

Экспедиция достигла Марса

Международная программа имитации полета на Красную Планету «Марс-500» вступила в очередную стадию. По условиям эксперимента, межпланетная автоматическая станция с экипажем из шести человек, системы жизнеобеспечения которой полностью автономны, достигла Марса. Космонавты произвели высадку на планету.

Напомним, что параллельно с научным экспериментом по имитации полета при поддержке компании «Google» реализуется крупный литературный проект. Двенадцать ведущих российских писателей-фантастов пишут роман-буриме о полете на Марс космического корабля «Арес» все с тем же экипажем из шести человек. Один из авторов проекта — наш корреспондент Евгений Гаркушев. Роман может стать самым длинным на сегодняшний день профессиональным романом-буриме и войти в Книгу рекордов Гиннесса.

Эпизоды романа выкладываются в сеть Интернет каждую неделю. Разумеется, события в литературном проекте тесно связаны с графиком экспедиции. Фантастический корабль практически достиг Марса, космонавты готовятся к высадке на планету.

Новый эпизод романа, написанный нашим корреспондентом, можно прочесть на сайте проекта «Марс-500» — <http://mars500book.blogspot.com/>

И закрутилось.

Оранжевый шарик Марса рос прямо на глазах, набухал, словно апельсин в чудо-оранжерее. Космонавты без устали вращали лебедки, подтягивали одни стропы, ослабляли другие. Многокилометровый космический парус стягивался, превращался в мягкий золотистый комок. Увы, собрать дорогой и сверхсекретный парус из казтана обратно в коробку в космосе не удалось бы при всем желании, но и оставлять перед собой простынь размером в сто квадратных километров крайне неразумно. Если просто отстрелить стропы, или, по выражению итальянца, брассы, парус уйдет в свободный полет. Что будет, если корабль его зацепит? Лучше не экспериментировать. И не оставлять после себя много мусора.

Булл и Пичеррили работали снаружи, в открытом космосе. Аникеев не покидал рубку управления. Жобан носился то туда, то сюда — рук не хватало. А Карташов, попытавшись свернуть парус усилием воли, потерпел фиаско и понял, что нужно привыкать к обыденной жизни. Очень хотелось рассказать командиру и другу о своих приключениях в Речном мире, только Аникееву было совсем не до этого...

Карташов чувствовал себя чужим на празднике жизни. Металлические стены давили, воздуха не хватало, сердце билось тяжело. На душе становилось все тревожнее. Но настоящий шок Андрей испытал, когда в его голове прогремел голос:

— Встань и иди!

— Куда? — прошептал космонавт.

— В складской — два.

— А надо? — затосковал Карташов, словно его принуждали спускаться в подземелье со змеями или подговаривали влезть в клетку с тиграми.

— Надо, — уверенно ответил внутренний голос.

Карташов тяжело вздохнул и поплыл в сторону нужного складского модуля.

В шлюзовую камеру Булл и Пичеррили вошли одновременно. Оба были усталыми, но довольными. Работа сделана, как надо, Марс близко, и даже чудеса в жизни случаются. Нежданно воскресший русский — яркий тому пример.

— Жаль только, Гивенс не может рассказать о свойствах нашего груза из складского-два, — сквозь иллюминатор скафандра подмигнул итальянец Буллу. — Надеюсь, он тоже очухается, но пока мы должны ломать голову сами. Ты, случаем, не можешь рассказать о суперкомпьютере, или что вы там запихали в таинственный второй отсек?

— Нет. Возможно, основной экипаж что-то знал. Нас сначала просто не посвящали в такие секретные дела. А потом, видно, решили, что в этом нет нужды.

— Допустим, — скептически усмехнулся Бруно. — И все-таки ты лучше знаешь технику своей Родины и менталитет соотечественников. Что они хотели сказать допотопным монитором и странными фильмами?

Булл, постукивая перчаткой по переборке, задумался всего на несколько секунд. Естественно, он уже размышлял над этим вопросом и пришел к определенным выводам, а теперь пытался точнее сформулировать ответ.

— Монитор, скорее всего, резервный, — сообщил он.

— Что? — удивился Пичеррили.

— Интерфейс не один. Тот, что мы видели, наверняка очень надежен. Что толку ставить жидкокристаллический экран во всю стену, который откажет в ответственный момент? Допотопный экран на самом деле — какой-то гибрид, опытный образец, сверхсовременная разработка без красивой оберточной бумаги.

— Допустим, — вновь согласился Бруно. — Но черно-белые фильмы, Джон? Если мы имеем дело с мега мозгом, зачем ему крутить нам древние фильмы?

Булл пошевелил подбородком и заявил:

— Мега мозг и мыслит по-своему. Может быть, ему пока нечего нам сказать. Но он должен был привлечь внимание. Или повернуть наши мысли в нужное русло.

Аникеев вклинился в разговор товарищей:

— То есть ты хочешь сказать, что наш механический партнер заботится о том, «как слово наше отзовется»?

— Точно! — обрадовался Булл. — У него нет плана давить нас своим авторитетом. Представь, что вместе с нами летит кто-то, кто умеет в десять раз больше, чем каждый из нас, знает в сто раз больше, вычисляет в тысячу раз быстрее. Осмелишься ли ты возразить ему? Тебе и мысль такая в голову не придет. Мы ведь не проверяем на счетах вычисления бортовых компьютеров. А суперразум — если там действительно скрыт искусственный интеллект — должен быть нашим партнером, а не отцом для детей-несмышленишей.

— Интересно, а сейчас он нас слышит? — спросил Пичеррили.

— Если Аникеев услышал, слышит ли мега мозг? — хмыкнул Булл. — Слышит, только знаков не подает.

Раздалось пронзительное шипение. Бруно, стоящий спиной к люку, резко обернулся, хотя было ясно — ничего страшного и даже экстраординарного не произошло. В корабле и шлюзовой камере выровнялось давление, можно было избавляться от скафандров»...